

Анна Алёшина

Соседи Ивана - Царевича

0+

Анна Алёшина

Соседи Ивана-Царевича

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Алёшина А.

Соседи Ивана-Царевича / А. Алёшина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Много есть сказок про Ивана-Царевича. Но всякая сказка — ложь (хоть и с намёком). В этой книге - вся правда об Иване! Как же много пришлось натерпеться близким и соседям (и близким и не очень) от Ивана-Царевича ... от этого любознательного, неугомонного, неугомонного, непредсказуемого и скорого на всякие проделки маленького мальчишки! Но, справедливости ради, надо признать, близкие и соседи (и близкие и не очень) подобрались очень даже под стать ему самому. Они все и есть...

Содержание

С миру по сосиске	8
Немецкий Герцог	11
Тёмное дело	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Алёшина Соседи Ивана-Царевича

Много есть сказок про Ивана-Царевича. Но всякая сказка – ложь (хоть и с намёком). В этой книге – вся правда об Иване! Как же много пришлось потерпеть близким и соседям (и близким и не очень) от Ивана-Царевича ... от этого любознательного, неугомонного, неутомимого, непредсказуемого и скорого на всякие проделки маленького мальчишки! Но, справедливости ради, надо признать, близкие и соседи (и близкие и не очень) подобались очень даже под стать ему самому.

Они все и есть ...

С миру по сосиске

В один из дней ужинал Иван-Царевич манной кашей без комочков, без пенок, не густой и не жидкой – её ложкой подцепишь, саму ложку перевернёшь и каша, как густой мёд, в тарелку медленно стекает. С вареньем каша была, с клубничным, с домашним!

Не царское это дело – самому ложкой работать. Вот Иван-Царевич рот открывает, а кашу ему туда верные подданные вливают. Жмурится от удовольствия – вкусно!

Вдруг, краем глаза замечает – мелькнула какая-то тень за окном. Повелевает тут же Иван-Царевич властным жестом себя к окну поднести, а там – зверь невиданный: глаза – круглые, нос – сердечком, усы топорщатся, хвост – длинный! Сам зверь – белый в чёрных пятнах, а одно чёрное пятно даже на глаз и пол носа напозло – как пиратская повязка.

Не выдержал тут Иван-Царевич, сам на ноги вскочил, к другому окну подбежал, занавеску отодвинул, а зверь – уже там!

Прижались Иван-Царевич и неведомый зверь нос к носу через стекло и разглядывают друг-друга.

– А ну, назови себя! – повелевает Иван-Царевич.

– Кошка я. Матильдой меня зовут. От соседей к вам пришла. Заблудилась я, проголодалась, замёрзла..., – а в глазах у кошки – такая тоска!

Распорядился Царевич порезать Матильде кружок варёной колбасы маленькими кусочками. Затем ещё один, и ещё. А сам сидит, наблюдает.

Когда же Матильда пятую порцию умяла, Мама Ивана-Царевича не выдержала – дверь в сад открыла и впустила кошку в тёплую комнату.

– Кисонька, бедненькая, не кормят тебя дома что-ли? А может ты дом перепутала – дома ведь один на другой так похожи?! – Мама не могла спокойно смотреть когда кому-нибудь было плохо.

“Бедная кисонька”, видимо, только этого и ждала! Она быстро прошмыгнула в дом и напрямик направилась к холодильнику. Усевшись прямо напротив него, она стала смотреть на холодильник, наверное, самым жалобным взглядом, который только сумела из себя выдать.

К великому удивлению и разочарованию Матильды, Мама совсем не обратила внимания на печальные взгляды кошки. Она лишь почесала “кисоньку” за ухом, потом одела Ивана-Царевича, накинула на себя куртку, взяла Матильду к себе за пазуху и пошли они эту черно-белую красавицу соседям возвращать.

Дверь им открыла соседская Мама. Взяла она кошку на руки и улыбнулась:

– Ну что вы! Вовсе она не потерялась! Куриной печёнки наелась, на подушке выпалась и пошла по соседям лакомства выпрашивать!

А кошка у соседской Мама на плече хитрые глаза шурит.

– Вы – не первые, кто нам её приносит. Вот ведь, изобретательница! У одних соседей колбасы выпросит, у других – сосиску, у третьих – даже собачьим кормом не побрезгует! И куда только всё девается – всё равно ведь остаётся худой и взъерошенной?! Небошь, если бы щеки выросли, то уже не жалели бы её все так! Не обижайтесь на неё, пожалуйста! – потрепала соседка кошку по загривку.

Но Иван-Царевич совсем на Матильду не обиделся. Он, вообще, очень добрый был Царевич, хоть и капризный немного – самую-самую малость. Больше того, теперь каждый раз, ужиная, он ждал, когда соседская хитрюга придёт. И вот, как только появляются за оконным стеклом круглые глаза и уши торчком, Иван-Царевич тотчас же Маме на холодильник показывает – мол, выдай колбаски просительнице. А сам в тоже время свой стул поближе к окну пододвигает – чтобы ему Матильду было видно.

Так они и ужинают – Иван-Царевич манной кашей, а смекалистая кошка варёной колбаской.

Немецкий Герцог

Серым и пасмурным вечером некогда отчаянно-рыжая осень, изрядно побледневшая от многих дождей и печали, поседела и стала зимой.

Иван-Царевич уткнулся носом в холодное оконное стекло и смотрел в сад.

В целях экономии электричества в посёлке старались при каждой возможности уличные фонари не включать. Полнолуние, как раз, было одной из таких возможностей. При полном отсутствии электрического освещения на улице, тем не менее, было светло, почти как днём! Иван-Царевич про себя подумал, что о таких явлениях, как это, скорее всего и говорят: “Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать”.

Тёмные предметы были темнее, чем при солнечном свете. Тени были гуще и глубже, а светлые поверхности, отражавшие сияние полной луны, наоборот, казались светлее, чем они выглядят днём, и, как будто, даже светились сами. Лунный свет струился с неба перламутром и окутывал всё, что встречал на своём пути, легчайшей и прозрачной шалью из искрящейся органзы.

Деревья, камни, сухая трава – всё покрылось инеем, и в кристально чистом холодном воздухе все посеребрённые лёгким морозцем предметы сверкали, как драгоценности. Казалось, что если ветер вдруг качнёт ветки, то они зазвенят маленькими хрустальными колокольчиками. Это было волшебство! И, в довершение всей этой сказки, неожиданно, как по взмаху волшебной палочки, пошёл снег.

Пушистые хлопья медленно и тихо, начали падать на землю, укутывая её белым пуховым одеялом. Уже спустя всего несколько минут ветки деревьев согнулись и опустились к земле под тяжестью снега. И даже забор из самой простой металлической сетки вдруг превратился в искусно сплетённое кружево. Зима очень красиво вступила в свои права!

Обычно, в тот день, когда стрелки часов переводят на час назад, выставляя зимнее время, Папа чистил, проверял и запускал центральный котёл отопления. Вместе с этим отпадала необходимость носить в дом дрова и всё время подбрасывать поленья в камин, следя, чтобы не затухал огонь.

А когда земля укутывалась белым снежным покрывалом и погружалась в зимнюю спячку, в семье Ивана-Царевича начинался сезон вечерних сказок. Мама заваривала вечером чай из собранных и засушенных летом листочков и ягод лесной земляники, поджаривала в тостере белый хлеб и доставала баночку варенья. Когда все удобно устраивались в креслах, в компьютере открывали файлы с аудио сказками! Иногда Мама или Папа просто брали книгу с полки и сами читали вслух. А иногда Мама читала что-нибудь из своей тетради!

Иван-Царевич любил эту семейную традицию также сильно, как и правило отмечать Рождественские праздники всей семьёй в полном составе: с Папой, с Мамой, с братом, с бабушками, с дедушкой и с тётушкой Алёнушкой. Обычно так и получалось – Рождественские праздники наступали как раз тогда, когда аудио сказки в компьютере заканчивались.

Глядя на заснеженный сад, Иван-Царевич испытывал радостное волнение. Сейчас он вернётся в гостиную, и там будут и земляничный чай, и варенье, и сказка при свечах.

Иван-Царевич заторопился. Так как Александр Папович немного побаивался темноты, то Царевичу нужно было успеть до сказки страшную темноту прогнать! Он это проделывал каждый вечер. Чтобы защитить брата, Иван-Царевич вооружался Папиным фонариком. Он тыкал включённым фонариком в каждый тёмный угол и пугал темноту воинственным возгласом: “Фу! Фу!”. Не забывал Царевич посветить и под диваном и под креслами! Темнота ведь могла спрятаться и там, и схватить за ногу в самый неожиданный момент!

За выполнением данной ответственной возложенной на него обязанности Иван-Царевич даже забыл о том, что он, сидя возле окна, заметил на улице. Хотя, правильнее было бы сказать: “о том, чего он НЕ заметил”.

А не заметил он будки и щенка – маленького мохнатого и косолапого щенка немецкой овчарки, больше похожего на медвежонка, чем на собаку. Щенок и его будка появились на соседском участке ранней осенью. Они разместились на лужайке прямо перед окнами Ивана-Царевича. С тех пор Царевич каждый день следил за жизнью своего нового соседа.

Щенок спал возле своей будки и, когда облетали золотые листья с деревьев, и, когда пошли холодные проливные дожди. Когда лужайка превратилась в сплошную большую лужу, сердечко Ивана-Царевича сжалось. Он с Мамой пошёл к соседям просить за маленького пса. Иван-Царевич не мог без слёз смотреть на то, как щенок спит прямо в холодной воде.

Но оказалось, что виной всему не жестокосердность хозяев, а характер самого Герцога. Пёс упрямо не хотел прятаться от непогоды в будке, предпочитая, как маленький поросёнок, валяться в грязи.

И вот теперь, когда в Длинногорье пришла зима, и будка и щенок пропали!

На следующий день Иван-Царевич убедился, что ему всё не померещилось, и он, взволнованный, заставил Маму звонить соседям и узнать о судьбе Герцога.

Не имея возможности бороться с характером щенка, хозяева перенесли его вместе с будкой в другое более сухое место, куда специально привезли несколько тачек чистого жёлтого песка. На этом процедуры закаливания, которые сам себе назначил Герцог, закончились.

Однако, закончились и ежедневные наблюдения Ивана-Царевича за псом. Теперь из окна не было видно будки, а каждый день напрашиваться в гости на чужой участок, чтобы справиться о самочувствии щенка, было не совсем прилично. Поэтому Ивану-Царевичу до поры, до времени и не было известно об одном громком деле, в котором оказался замешанным светлость Герцог немецкий.

Щенок дремал после обеда. Хозяева вынесли ему полную миску каши с мясом. Не осилив всю порцию целиком, Герцог оставил немного каши “на потом”.

Вкусный мясной аромат был слышен и в берёзовой рощице неподалёку, где местные вороны практиковались в хоровом пении. Запах каши щекотал им ноздри и отвлекал от основного занятия. Само собой разумеется, что спустя совсем короткий промежуток времени, вороний хор почти в полном составе был на участке Келлогса и Герцога.

Поначалу вороны сидели на заборе и лишь оценивали обстановку. Но от аромата мясного бульона с гречкой так сводило пустые урчащие желудки, что одна из ворон в итоге не выдержала и, прыгнув с забора, стала боком подбираться к миске с кашей.

Глаза Герцога были закрыты, и ворона, расхрабрившись, клюнула носом в миску. Завидев, что их товарка уже принялась за обед, и все остальные вороны повскакивали со своих мест и заторопились к каше. Возле миски началась толкотня.

И лишь одна из ворон осталась сидеть на заборе. Она, вообще, всегда держалась поодаль от стаи. За свои белые с серыми крапинками (а не серые с чёрным, как у всех) перья она всегда получала щипки и насмешки от остальных сородичей. И, наученная горьким опытом, всегда дожидалась, пока поедят другие, прежде чем самой приблизиться к мусорным бакам с пищевыми отбросами. Конечно же, ей не всегда хватало объедков, и оттого она была худая и взъерошенная.

Звали эту ворону Варька, и она обречённо смотрела на тот базар, который творился возле будки. Надежды на то, что ей сегодня что-нибудь перепадёт из собачьей миски, у Варьки не было.

Остальные вороны хотя и опасались пса и, ухватив клювом немного еды из миски, отпрыгивали, чтобы проглотить кусок на безопасном расстоянии, всё же нагнали с каждой минутой. Они уже не замечали, что Герцог, прищурившись, наблюдает за ними.

– Между прочим, каша из миски овчарки – самая вкусная! – каркнула одна из ворон.
– Ой, не могу! Кому Вы это говорите?! – подхватила другая. – Всем известно, что самая вкусная каша у лабрадоров!

– Нет, у овчарок!

– Нет, у лабрадоров!

– Что вы попусту спорите?! – вмешалась третья ворона. – Я вам авторитетно заявляю, самая вкусная каша в мисках у такс!

– Глупости Вы заявляете! – распалилась вторая ворона. – Лабрадоры и только лабрадоры!

– Успокойтесь Вы с Вашими Гибралтарами! – съязвила первая ворона.

– Не с Гибралтарами, а с лабрадорами!

– Где лабрадоры, там и Гибралтары! Речь может идти лишь об овчарках! – не унималась первая товарка. И неожиданно добавила:

– Уж я-то собаку на этом съела!

– Да вам и щенка не съест! А я съела целых двух собак! – вторая ворона важно раздулась.

– Это мне-то не съест?! Да мне...! Да я...! Да я целых сто собак съела! – казалось, ещё чуть-чуть и первая ворона взорвётся от злости.

– И как они все только в Вас поместились?! – не удержалась от язвительного замечания третья ворона, которая вот уже несколько минут самоустранилась из жаркого спора и наблюдала за происходящим со стороны.

– Вы мне не верите?! Вы МНЕ не верите?! – первая ворона совсем утратила самообладание и запрыгнула на спину Герцогу.

– А вот ТАК я их съела! – и она попыталась клюнуть щенка.

И тут случилась то, чего уже вороны и не ждали (хотя и стоило бы). Герцог одним рывком вскочил и схватил нахапку.

Совсем ещё маленький щенок хорошенько потрепал невоспитанную ворону, оставив ей в попе 2-3 пера лишь для того, чтобы оставалось понятным, что хвост у неё всё-таки есть (ну, или, по крайней мере, был!).

Когда стая в страхе разлетелась, Герцог обнюхал миску – там ещё оставалось изрядное количество гречки с мясом. Заметила оставшуюся еду и Варька, которая так ослабла от голода, что не улетела с другими, а продолжала сидеть на заборе.

Нестерпимый голод пересилил робость, и она обратилась ко псу:

– Извините меня, пожалуйста! Если Вы уже не голодны, не разрешите ли Вы мне немного поклевать из Вашей миски? Просто я ничего не ела уже два дня...

– Да сколько Вам угодно! – ответил Герцог своей любимой фразой.

Он вовсе не был жадиной. Просто он считал, что если тебе нужно что-то, чего у тебя нет, но есть у другого, то нужно этого другого просто вежливо попросить. А брать без спроса – это невоспитанность!

О невероятной силе и благородстве немецкого Герцога уже к вечеру знала вся округа. И с того дня никто больше не воспринимал пса, как маленького щенка. Хотя он и был на самом деле ещё очень маленьким, но авторитет у него уже был большой!

Варька тоже для себя сделала открытие – не нужно искать дружбы тех, кто тебя унижает. Рядом с тобой всегда найдётся тот, кто действительно будет тебя ценить и станет тебе верным товарищем.

Уже очень скоро Варька окрепла, отъелась на остатках от трапез щенка и превратилась в невероятно красивую птицу с уникальным окрасом оперения. А её крепкого клюва стали побаиваться даже некоторые небезызвестные местные коты, дерзнувшие когда-либо хоть чем-то обидеть Герцога!

Тёмное дело

Произошедшее в эту ночь, заставило Ивана-Царевича ещё раз вспомнить о случае с бас-сет-хаундом. Мама давешним вечером снова выставила кастрюлю с недоеденным супом на террасу и к утру обнаружилось, что кто-то ночью этот суп прямо из кастрюли пробовал. Кто же?!

– Может это соседский Герцог? – предположил Александр Папович.

Высочайшая особа аж покраснел от возмущения и запустил в брата шерстяным носком, который только что стянул с ноги. Как можно предположить, что дворянин будет втихаря подворовывать суп у соседей?!

Нет, нет! Это, наверняка, не Герцог! – отвергла предположение Мама. – Герцог всю ночь сидел на цепи. Да даже если бы он и сорвался, он бы не пролез в столь маленькую дыру в заборе.

– Может быть, тогда, это была Матильда? – высказал ещё одно предположение Папа.

– Или, быть может, Золотой Глаз? – подхватила Мама

– Или Келлогс? – добавил ещё одну кандидатуру Александр Папович.

Но Иван-царевич больше не был склонен делать серьёзные заключения, основываясь лишь на догадках. Второй раз ошибиться он не мог себе позволить! Нужны были доказательства. А их – то, как раз, и не было!

За недостаточностью улик дело было временно прекращено. Но не закрыто!

Да и как его можно было закрыть, если с этих пор всё чаще и чаще утром обнаруживались открытые кастрюли и сковородки. И их содержимое было с очевидным аппетитом подлизано!

Иван-Царевич каждый раз предостерегал Маму. Но Мама каждый раз с упрямой наивностью выставляла остатки обеда и ужина за дверь. Кастрюли бывали слишком горячими, чтобы их можно было поставить в холодильник, а на плите еда за ночь могла запросто скиснуть. Да и к тому же крышку придавливали или поленом или небольшим камнем... А к утру кастрюли часто были пустыми! И никакие поленья и камни не помогали!

Накануне Мама приготовила в самой большой кастрюле один из самых любимых супов Царевича – солянку! А на второе – кастрюлю рассыпчатой варёной картошки и полную сковородку жареных в кляре отбивных. Наготовлено было на 3 дня и после ужина, само собой, почти полные кастрюли выставили на холод за дверь. Их поставили башенкой – одну на другую, и сверху придавили булыжником.

Ночью Папе не спалось, он несколько раз вставал и делал себе чай. А когда стало светать, подошёл к Маме и потормошив её за плечо сказал:

– Твои кастрюли почистили.

– Угу, – сквозь сон ответила Мама.

Иван-Царевич тоже слышал слова Папы и думал, стоит эта новость того, чтобы просыпаться или нет.

Поняв, что его сообщение не вызвало той бурной реакции, которую он ожидал, Папа решил-таки лечь поспать. И уже забираясь под одеяло добавил:

– Подчистую вылизали.

В этот момент до Мамы дошёл, наконец, смысл сказанного и с восклицанием:

– Как? Все три?! – она вскочила и побежала к двери на террасу.

Естественно, следом проснулись и подбежали и дети, и Папа, который отчаялся сегодня заснуть (но запланировал с лихвой наверстать упущенное после обеда). Все три кастрюли были пусты и чисто вылизаны!

– Столько еды зараз не влезло бы ни в какую большую собаку, – оценила ущерб Мама.

– А в кошку и подавно! – заметил Александр Папович.

– Даже в трёх кошек, – хихикнул про себя Иван-Царевич

– Отбивные жалко! – вздохнул Папа и тут же добавил: – Видно кто-то сегодня сюда как в ресторан “Метрополь” приходил.

– Комплексное меню из трёх блюд!

– Романтический ужин при луне!

– Небось и танцы были!

Все развеселились. Ведь, вздыхай – не вздыхай, а солянку с отбивными было не вернуть. Да и к тому же в холодильнике осталась манная каша и клубничное варенье, так что вкусный завтрак был гарантирован.

После того, как каша была съедена, а чай – допит, Иван-Царевич что-то нашептал Папе на ухо. Тот его внимательно выслушал и, постучав чайной ложечкой по чашке, взял слово:

– Мы сегодня, конечно, изрядно все посмеялись, представляя, как кто-то, объевшийся, едва передвигает лапы и не может оторвать от земли туго набитое пузо. Но вор должен быть пойман! Я готов добровольно делиться, но не хочу, чтобы меня против моей воли полностью лишали ужина!

Сидящие за столом согласно закивали и стали сообща разрабатывать план по разоблачению разбойника.

Маме дали задание нажарить куриных котлет. Александр Папович их нарезал кусочками и разложил на тарелке. Тарелку выставили за дверь и специально не стали ничем накрывать, чтобы запах был сильнее.

Иван-Царевич вызвался караулить. Но всем остальным тоже было так сильно интересно, что в итоге было решено, что в эту ночь все останутся спать в гостиной.

Иван-Царевич потеснился и пустил к себе на диван Маму. Александр Папович и Папа съёжились в креслах.

Вначале все пили чай с печеньем. Потом по-очереди читали вслух книгу про муми-троллей при свете свечи (конечно же, читали все кроме Ивана-Царевича – царское дело сказки слушать, а не рассказывать!). После сказок шёпотом разговаривали и мечтали. И как-то совсем незаметно все заснули.

И вновь всех разбудил Папа. Иван-Царевич вначале решил, что никогда не простит себе того, что это не он поднял тревогу. Но тут же забыл и думать об этом, когда увидел, что происходит за окном!

В темноте светились два огонька. Иван-Царевич взгляделся – это были глаза! Мелькнула чья-то тень с длинным пушистым хвостом. Ещё тень! И ещё! И ещё одна! Все четыре тени прокрались к тарелке с котлетами и стали уплетать наживку, отталкивая друг дружку.

Папа резко включил в комнате свет и открыл дверь на террасу. Иван-Царевич увидел, как четыре лисицы аж подпрыгнули от неожиданности и бросились через весь сад к забору и дальше в лес!

Так это были Лиссоны! Известные на всю округу хитрецы и плуты! Оказывается, это лисья семья повадилась к ним на участок ужинать! Конечно, теперь, застигнутые врасплох, они побоятся возвращаться и разбойничать! По крайней мере в ближайшее время.

Все долго не могли заснуть. А утром на кухонной доске, где Мама обычно писала мелом меню на день, Папа нарисовал лисицу с большой сосиской в пасти и написал: “Позор Лиссонам!” Пусть им будет стыдно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.